

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ИЗВЕЧНЫЙ ВОПРОС:
КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

**ЭКВАТОР —
НАШ!**

Роман о российском спецназе

Александр Тамоников

Экватор – наш!

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Экватор – наш! / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2018 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-04-090205-7

В одной из африканских стран бушует антиправительственный мятеж. По просьбе законного руководства в наведении конституционного порядка участвует и российский военный контингент. Повстанцам удается сбить транспортный вертолет наших ВКС и захватить экипаж. Для освобождения пленников в район боевых действий направляется группа майора Геннадия Савина. Но поиски не приносят успеха. Спецназовцы берут «языка», который сообщает, что летчиков в плену у них уже нет, буквально на днях их отбил... российский спецназ. Савин подозревает, что к игре подключились американские спецслужбы и операция вступает в заключительную, самую горячую фазу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090205-7

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Тамоников

Экватор – наш!

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

От автора

Глава первая

Более десяти часов после удачного освобождения вертолетчиков из плена Власов вел группу в направлении морского побережья. Во второй половине дня стало ощущаться близкое дыхание океана, и поэтому идти по дневной духоте стало невыносимо – из-за высокой влажности жаркий воздух обжигал тело, дышать было трудно. В небе появились белые облачка, в легком ветерке витали запахи водорослей.

Наконец шесть спецназовцев и три российских авиатора остановились в тени двух высоких деревьев. В прибрежных лесах деревья с густыми кронами встречались все реже – вместо них на песчаном грунте в основном произрастал кустарник. Группе периодически приходилось пересекать открытые пространства, что было небезопасно – не дай бог, навстречу попадутся рыбаки из прибрежных селений. Власов решил не испытывать судьбу и приказал переждать до сумерек под двумя соседствующими великанами.

Раздевшись до плавок, отдышались, перекусили и даже вздремнули под нежный шелест листвы и непривычное пение африканских птиц.

Лежа на песке с редкими пучками травы, командир сбитой «вертушки» Николай Карбанов невольно наблюдал за новыми знакомцами. За долгую службу ему не раз приходилось иметь дело с ребятами из спецназа: и на учениях, и в Чечне, и в Сирии. Он хорошо знал их привычки, манеру общения, форму, оружие, «снарягу». Эти шестеро слегка не вписывались в тот образ, который прочно засел в голове. Что-то настораживало и заставляло внимательнее приглядываться к парням в камуфляже.

Между собой они разговаривали негромко и всякий раз замолкали, когда рядом оказывался кто-то из вертолетчиков, к которым они относились настороженно и даже с некоторой опаской. После любого вопроса, адресованного «спецам», следовала пауза, в процессе которой подчиненные Власова переглядывались и словно обдумывали варианты ответов. Не было в общении с ними легкости, а у самих спецназовцев – присущей русским людям открытости.

Николай вспомнил, как во время первого длительного привала где-то посреди джунглей он лежал на мягкой подстилке из сочной травы и неспешно рассказывал товарищам о поездке в Беларусь. Делать во время отдыха было нечего, а тут вдруг почему-то вспомнилось то недавнее путешествие. Рассказывал о том, как по пути из Гомеля в соседний район дядька завернул в местечко под названием Красный Берег и показал небольшой мемориальный комплекс. Чистенький, ухоженный, весь в цветах. И совершенно необычный – выполненный в виде школьного класса под открытым небом. Белые мраморные парты в три ряда, доска, а за ней кораблик – воплощение детских грез. Рядом цветные витражи из рисунков, на каменном полу растекающаяся детская кровь из красного гранита. Мертвый класс. И впечатления – до мурашек по коже. Так вот товарищи Николая слушали с небывалым интересом, переспрашивали, задавали вопросы. А спецназовцы валялись неподалеку в лениво-валяжных позах и даже ухом не повели.

Странно было это наблюдать. Для любого русского человека воспоминания о войне и ее жертвах – дело святое. Ведь буквально у каждого она забрала одного, а то и нескольких родственников.

Случилось во время того привала и еще одно происшествие, добавившее в копилку нехороших подозрений. На груди одного спящего спецназовца Карбанов заметил вывалившуюся из тельняшки цепочку с двумя жетонами. Осторожно приблизившись, он прочитал на одном из них: «LISIN GEORGE U.S. ARMY». Тотчас другой – тот, что дежурил неподалеку в дозоре – подошел, заправил жетоны товарища в одежду и с неестественной улыбочкой пояснил:

– Мы все заказали такие жетоны. Оставлять на месте работы, чтобы враг гадал, кто мы...

Вот после того привала в голове у Николая зародились нехорошие мыслишки, и теперь при каждом удобном случае он посматривал в сторону спасителей и пытался анализировать каждую мелочь.

Революции и гражданские войны в странах Африки – не редкость. Они вспыхивают подчас с ужасающей частотой. Только за вторую половину XX века на самом жарком континенте произошло около сотни военных переворотов и более пятидесяти войн, жертвами которых стали четыре миллиона человек. Однажды начавшаяся война в Африке способна тлеть десятилетиями, как, например, противостояние в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Алжире, Бурунди, Сомали...

Не отличается в лучшую сторону и нынешняя ситуация. Причиной тому является тяжелейшее экономическое положение в большинстве стран, острая нехватка финансов, процветание контрабанды и торговли наркотиками, нелегальные поставки оружия. Все эти беды происходят на фоне необычайно высокого прироста населения, неконтролируемой миграции, голода, эпидемий, почти полного отсутствия здравоохранения и образования. Не обошла стороной сия напасть и ту страну, куда занесла судьба экипаж майора Карбанова.

Все началось несколько лет назад, когда по результатам очередных выборов президентом страны стал сорокалетний юрист Фурум Сумал. Простой народ уважал его за скромность, армия поддерживала.

Однако проигравшие противники Сумала не дремали и готовили кровавый реванш. Разразившаяся гражданская война разделила страну на два лагеря – восточный и западный. Причиной конфликта явились извечные трения между племенами и общинами. Президент представлял прогрессивную общину, а его главный оппонент и политический противник Джус Арачи был лидером радикалов. Ни образования, ни убеждений, ни принципов у Арачи не было. Но, как известно, именно такие особи прекрасно приживаются в политике и пытаются управлять целыми государствами.

Вооруженное восстание началось с того, что авантюрист Арачи собрал на северо-западе страны вооруженный отряд головорезов, назначил себя главой государства и пошел войной на столицу – Бакул.

К семи вечера адское пекло сменилось приемлемой температурой, и группа продолжила марш-бросок. Впереди, метрах в пятидесяти, шел спецназовец в годах, кажется, он исполнял обязанности снайпера. Среди растительности он двигался осторожно и довольно быстро. Подбравшись к открытой местности, притормаживал, осматривался через прицел и только после этого жестом предлагал возобновить движение.

К заданной точке прибыли поздним вечером.

Сверившись с показаниями навигатора и поколдовав над картой, Власов объявил:

– Здесь.

Местечко не выглядело уютным. Это была опушка здорово поредевшего леса – растительность вокруг скорее походила на высокий кустарник, чем на деревья. Под ногами вместо красноватого грунта, изрядно поднадоевшего в джунглях, шуршал песок, травы почти не встречалось. Повсюду валялись осколки раковин, рыбная чешуя, пластиковый мусор.

– Похоже, в этих местах появляются рыбаки, – заметил кто-то из спецназовцев.

– Согласен, – ответил Власов. – Дозорным быть предельно внимательными. Первым на дежурство заступает Лисин...

Спецназовцы освободились от тяжелого оружия, побросали на песок ранцы. Вертолетчики после освобождения из плена вещей не имели и прибыли на берег налегке. Не занятые обустройством лагеря, они крутили головами, осматривая окрестности местечка и горизонт.

Точка, где, по словам капитана Власова, предстояло ожидать эвакуации, находилась недалеко от берега. От медленно накатывавших на песчаную косу волн ее отделяло метров пятьсот-шестьсот. И чем дальше взгляд уходил в сторону моря, тем скуднее становилась растительность.

Авиаторы любопытно смотрели на молчаливого командира о способах эвакуации с побережья.

– А хрен его знает, – безучастно пожал тот плечами. – Могут прислать корабль, могут «вертушку» – место для посадки имеется...

С этим утверждением трудно было не согласиться – на широкую и ровную песчаную косу при желании могли приземлиться с десятков вертолетов.

Старший лейтенант Лисин занял позицию на невысоком бугорке. Остальные, расположившись на песке меж кустов, принялись ждать.

Поглядывая на парней из спецназа, Михаил Гусенко негромко произнес:

– Странные они какие-то.

Карбанов не стал говорить о необычных личных жетонах, которые заметил на привале. И о своих подозрениях. Зачем раньше времени сгущать тучи? Этим ребятам понять сложно, работа у них такая. Спецназ, одним словом. Да и ошибиться в этой непростой ситуации – проще простого.

До гражданской войны жизнь в этой африканской стране была размеренной и довольно сносной: в больших городах открывались школы, больницы и торговые центры, национальный университет, начали выпуск продукции несколько фабрик, возводилась сеть современных асфальтовых дорог.

Казалось бы, что еще нужно? Живи, работай, развивайся.

Однако за Джуса Арачи неожиданно встало довольно много людей. В основном это были приверженцы радикальных ветвей ислама, усиленные представителями малограмотных и беднейших слоев населения. Постепенно относительно небольшой партизанский отряд превратился в крупное воинское объединение. Тактика засад и налетов на мелкие гарнизоны сменилась ширококомандными войсковыми операциями.

Спустя пару лет кровопролитной гражданской войны измотанная страна окончательно разделилась на два примерно равных района. Восточную часть, со столицей Бакул, контролировал президент Сумал. В западной области, с крупной агломерацией Дамар, хозяйничали отряды Джуса Арачи.

Никто не сомневался: успех «лидера оппозиции», а именно так именовал себя Арачи, не обошелся без участия заинтересованных в конфликте стран. Так оно и было. Стоило разнестись слухам о созданной Джусом банде, как через северо-западные границы в его вотчину потянулись тайные посланники из США и НАТО. Вскоре на главной базе мятежников появился вполне современный учебно-боевой центр, где подготовкой бойцов заправляли американские и британские инструкторы. Банды головорезов Арачи стали снабжаться современным оружием, боеприпасами, снаряжением, средствами связи, медикаментами, продовольствием.

Российская Федерация приняла решение направить в качестве помощи законно избранному президенту военных советников, несколько бригад врачей, пару транспортных вертолетов с экипажами и техническим составом.

Так на юго-востоке страны в провинции Нанси и появилась база «Сонмар» с двумя вертолетами на обширной площадке и госпиталем Красного Креста на краю пальмового леса.

В ступившихся сумерках поужинали – спецназовцы снова поделились с вертолетчиками сухими пайками. Упаковка сухпаев была обычная – на базу «Сонмар», с которой летал эки-

паж Карбанова, иногда привозили нечто подобное. Баночки с гречневой кашей и говядиной, галеты, сахар, фруктовое повидло, чай, кофе – все с российским текстом на этикетках. Привычное и на вкус, и на вид.

Размешивая пластиковой ложечкой сахар в напиток, Равиль Тараев поймал взгляд второго пилота и незаметно пожал плечами – дескать, я тоже исследовал предложенную еду и не нашел ничего подозрительного.

Командир по давней привычке молчал, предпочитая наблюдать, слушать и анализировать. И чем дольше он приглядывался к «спасителям», тем больше у него возникало вопросов. А более всего насторожил последний сеанс связи. Штатный связист группы настроил станцию и вместе с капитаном Власовым отошел на почтительное расстояние от остальных. Тем не менее слух Карбанова уловил несколько слов, сказанных на английском языке. «Кодировка? Намеренное добавление иностранных фраз с целью запутать противника?» – подумал он тогда. И тоже не нашел ответа. . .

После ужина кто-то из спецназовцев сменил дозорного, остальные принялись готовиться к ночлегу. Авиаторов к ночной охране Власов не привлекал, и те имели возможность нормально отдохнуть и выспаться. Однако сон не шел – «бортач» постоянно ворочался, второй пилот потягивал из подаренной спецами пачки сигареты, командир пялился на усыпанное звездами небо. . .

А когда он наконец провалился в нирвану, кто-то пихнул в бок.

– Что случилось? – резко приподнялся на локте Николай.

– Не знаю. Возня какая-то, – прошептал Михаил.

Все спецназовцы и впрямь были на ногах. Власов с заместителем озабоченно поглядывали в сторону моря, другие спешно паковали в ранцы вещички.

– Возможно, за нами пришло судно, – предположил Равиль.

Карбанов переместился немного левее, чтоб не мешал ближайший куст, и заметил несколько разноцветных огней в том месте, где днем при свете солнца виднелась полоска приборя.

– А корабль-то не один, – оценил он увиденное.

– Два как минимум, – подтвердил Гусенко. И добавил: – Да и не корабли это.

– А что же?

– Катера, скорее всего. Видишь, как быстро перемещаются?

– Ну.

– Стало быть, близко от берега. А большие суда так близко подойти не рискнули бы – осадка не дала бы.

Михаил был прав: надводные суденышки действительно двигались довольно резво, лавируя буквально в пятистах метрах от береговой черты.

– Может, это рыбаки? – с сомнением в голосе спросил Равиль.

– Чего рыбакам по такой темени шастать? Ночь только началась, а они выходят в море под утро. . .

Пока авиаторы совещались, спецназовцы успели собрать вещи.

– Эй, летуны! – окликнул Власов. – Пристраивайтесь – уходим!

– Почему уходим?! – опешил Карбанов. – За нами же пришли, Сергей!

– Это не наши, – отрезал тот.

И только сейчас майор заметил в руке капитана прибор ночного видения, с помощью которого он обозревал прибрежную акваторию.

База «Сонмар» соединялась с расположенным неподалеку городком Молзуул пыльной грунтовкой, проложенной сквозь непроходимые джунгли.

От внешнего мира базу огораживали два ряда колючей проволоки. Забор был сооружен на совесть – ровно и надежно. Возле единственных ворот у проселка одиноко торчало кирпичное здание охраняемого КПП, периметр каждые полчаса патрулировала четверка бойцов местной национальной гвардии. Молзуул находился в глубоком тылу, однако меры предосторожности, по личному указанию президента Сумала, соблюдались бойцами караульного взвода неукоснительно.

База представляла собой довольно приличный прямоугольник площадью в три с половиной гектара. Большая ее часть была отведена под выровненную грунтовую площадку, обильно поливаемую водой из шлангов перед взлетом и посадкой вертолетов. На краю площадки имелась техническая зона с металлическими контейнерами для имущества, инженерным домиком со стеклянным «скворечником» руководителя полетов, курилкой, легким сборным ангаром для ремонта авиационной техники и складами ГСМ.

Далее главная аллея вела к объединенному модулю метеорологического обеспечения и связи, затем чуть подворачивала к щитовым зданиям госпиталя и ровной стрелой неслась к пищеблоку, прачечной, гаражу и штабу. Жилые домики трех различных проектов и разной вместимости располагались на свободном пространстве справа.

Жилой сектор устроители постарались сделать максимально комфортным. Между домиками стояли легкие деревянные беседки (они же курилки) и лавочки под навесами, повсюду росли красивые пальмы, зонтичные акации, кустарники, цветы, меж которых петляли выложенные плиткой тропинки. Пять крупных модулей занимал медицинский персонал, в трех средних обитала обслуга – официантки, уборщицы, поварахи, работницы прачечной. В четырех – больших и средних – хозяйничали летчики, инженеры и техники. В дальнем маленьком модуле проживал подполковник Ува Баладу – командир базы. Еще два маленьких занимали российские офицеры: руководитель полетов майор Степко, начальник материально-технического обеспечения капитан Боков, комендант майор Ивлев, начальник связи капитан Анисин, старший инженер авиагруппы капитан Круглый и молодой смазливый метеоролог – старший лейтенант Морозов.

Немного особняком – в зарослях у дальнего забора – стояли два здания. Относительно небольшое строение было отведено под русскую баньку, спасавшую народ от невыносимой жары. В длинном размещалась казарма взвода охраны. Проживавшие в ней бойцы национальной гвардии не относились ни к госпиталю, ни к авиаторам, а подчинялись непосредственно подполковнику Баладу. Контингент охранников менялся раз в неделю, особой дисциплиной не отличался, службу нес лениво и спустя рукава.

База в «полный рост» использовалась для работы госпиталя и полетов двух российских транспортных вертолетов. Чаще всего экипажам этих «восьмерок» приходилось выполнять санитарные рейсы либо доставлять гуманитарную помощь в отдаленные селения воюющей страны. Случались и задания, приближенные к боевым. Воздушная разведка местности, доставка оружия и боеприпасов подразделениям и частям правительственных войск в зоны ведения боевых действий...

Майор Карбанов на базе «Сонмар» являлся старшим авиационным начальником и подчинялся лишь подполковнику Баладу. В составе второго экипажа с базы летали капитан Доглин, капитан Рыбин и прапорщик Нудин.

Работали вертолетчики без всякого плана, бывало, что по несколько дней ничего не делали – отсыпались, играли в карты или в нарды, вечерами устраивали застолья с небольшим количеством алкоголя. Но случались и авралы, когда за семь-восемь дней выработывали месячную санитарную норму налета. В такие периоды было не до игр, бани и застолий – работали до изнеможения.

По такому же сценарию трудились и медицинские бригады из госпиталя: то с неделю бродили по пустым палатам, то бегали в мыле, принимая партии инфекционных больных из близлежащих населенных пунктов или раненых солдат.

Народ на базе собрался самый разный. Все авиационные специалисты были из России, а среди медиков встречались немцы, чехи, французы и даже австралийцы. Жили дружно. Подполковник Баладу, дабы хоть чем-то разнообразить пребывание в «Сонмаре», выделял по выходным дням старенький автобус и пять человек охраны для поездок до Молзуула. Городок был мал и беден, тем не менее в его центре имелись магазинчики, дешевые кафе с простеньким ассортиментом выпивки и закуски.

Походы в русскую баньку и поездки в соседний городок были едва ли не единственными развлечениями, коих в раздираемой гражданской войной стране практически не оставалось.

Курс взяли на север – строго от моря. Впереди привычно шел снайпер, имевший странную и редкую фамилию Тубарь. Замыкал шествие старлей Лисин, он часто останавливался, подолгу смотрел назад и прислушивался. Затем догонял группу и с помощью небольшой радиостанции докладывал командиру:

– «Первый», я – «Второй». Сзади чисто...

До первого привала шли долго. Когда джунгли вокруг снова стали густыми и малопроходимыми, Власов остановил группу и объявил пятнадцатиминутный привал.

– Что произошло, Сергей? И куда мы теперь двигаемся? – улучив момент, спросил Карбанов.

Тот не спешил раскрывать карты и ответил вопросом на вопрос:

– Устали?

– Есть немного.

– Надо потерпеть. Протопать нам предстоит прилично.

– Прилично? Но почему мы куда-то топаем, если встреча была назначена на побережье?!

– Если бы не появились подозрительные катера, то мы дождались бы своих и спокойно эвакуировались, – достал Власов из кармана пачку сигарет. – Угощайся...

Николай вытянул сигарету, подпалил ее от вспыхнувшего огонька.

– Что за катера?

– Кто их знает... Главное, что на них были не те, кого мы ждали.

– И что же теперь?

– Теперь идем на запасную точку. Там придется немного подождать, но место тихое, надежное. Отдохнем, отоспимся... А то, знаешь ли, мои ребята тоже здорово вымотались, пока «пасли» ваших похитителей.

Объяснение показалось логичным и разумным. Оставалось узнать последнюю деталь.

– Точка далеко? – поинтересовался Карбанов.

– Четверть пути прошли, утром будем на месте. А сейчас отдыхай – следующий привал через два часа...

Ночной переход дался вертолетчикам с большим трудом. Несмотря на отменное здоровье, они много лет занимались совершенно другой работой, и подобные марш-броски были для них непривычны. Да и пребывание в плену с длительной голодовкой тоже не осталось без последствий.

Последний привал был объявлен Власовым в пятом часу утра. После короткого передыха группа повернула на северо-запад и долго двигалась по густому лесу, пока не вышла на поредевшую опушку.

– Впереди труднопроходимые болота, – предупредил капитан. – Я иду первым, далее Тубарь, Стрельцов, Яковлев, Конопко и летчики. Замыкающий – Лисин. Каждый смотрит в спину товарищу и идет точно по его следам. Вопросы?

Короткий инструктаж был предельно ясен.

Перекурив и вооружившись подходящими палками, двинулись строго на запад...

За территорию базы «Сонмар» никто из сотрудников без сопровождения местной охраны выходить или выезжать не решался. Причин было несколько.

Во-первых, подобные выходы строжайше запрещались руководством базы и координационным центром российских военных советников.

Во-вторых, за расчищенной от леса пятидесятиметровой полосой стояли дремучие джунгли со всеми «прелестями» будничной африканской жизни: дикими зверями, ядовитыми тварями и вооруженными недоумками.

Наконец, в-третьих, за пределами базы просто нечего было делать – ни водоемов, ни живописной полянки. Сплошной и труднопроходимый лес.

Посему жизнь на «Сонмаре» разнообразием не отличалась. Раз в неделю сотрудники позволяли себе поездку в захудалый городишко, где отоваривались продуктами или пили дешевое пальмовое вино в кафе. Иногда сами себе устраивали посиделки в столовой по случаю какого-нибудь праздника или дня рождения. Чаще вечерами сидели по жилым модулям и смотрели по «спутнику» каналы российского телевидения. Больше заняться было нечем.

Экваториальный климат на краю африканского континента тоже не радовал. Среднегодовая температура превышала двадцать пять градусов тепла, основная жара приходилась на март-июнь. Зато с августа начинался невыносимый сезон муссонов и дождей. Зима, как правило, была сухая, ветреная, с палящим зноем и жутким суточным перепадом температур.

Случались у сотрудников и любовные интрижки. Чаще короткие, как вспышки молнии – на день-другой или недельку. Реже – настоящая крепкая любовь.

Медсестра из Чехии Власта Руснич была высокой, стройной, с густыми темными волосами, обрамлявшими красивое лицо с мягкими правильными чертами. За неполные двадцать четыре года она успела окончить средние и высшие курсы младшего медицинского персонала при Карловом университете, потрудиться акушеркой в хорошей клинике и завербоваться на работу в африканский Красный Крест. Здесь прилично платили и имелась отменная практика. Девушка знала английский язык, свободно говорила на русском.

Так вышло, что Власта приехала на базу практически одновременно с экипажем Николая Карбанова и сразу же познакомилась с разведенным Мишей Гусенко. Вначале ее сразила статья красавчика Мишки, позже, получше узнав его, девушка поняла, что за привлекательной внешностью скрывается и живой ум, с прекрасным чувством юмора, и доброе сердце, с необъятной широкой душой.

Путешествие по болотистой местности стало еще одним испытанием для экипажа Карбанова. Вязкая трясина, сменявшаяся затхлой стоячей водой и относительно сухими островками, простиралась на многие километры.

Власов вел группу по каким-то ведомым лишь ему одному ориентирам. Довольно часто запрашивая координаты у навигатора, он сверялся с картой и с записями в небольшом блокноте. Маршрут петлял меж одиноких деревьев и редких травянистых бугорков, на которых уставшие путники переводили дух.

Более всего авиаторов удивил тот факт, что местами – там, где болотная трясина была по-настоящему опасной, – под ногами на полуметровой глубине лежала гать из уложенных поперек пути бревен. Кто их уложил, давно ли и зачем – оставалось лишь догадываться.

Шли медленно. Первый час пути авиаторы пытались запоминать дорогу, однако линия маршрута складывалась настолько кривой, что скоро они окончательно запутались и бросили свою затею.

В восемь утра позавтракали на обширном островке, передохнули в лучах еще нежаркого солнца и снова отправились в путь.

На место прибыли около полудня.

– Ого! – не сдержал удивления бортовой техник. – Да тут натуральный пионерский лагерь!..

Местечко и впрямь впечатляло. Это был обильно поросший деревьями и густым кустарником островок посреди бескрайних болот. Островок имел метров восемьдесят в длину, пятьдесят в ширину. В центре кто-то соорудил из бревен два приземистых сарая с узкими окнами-бойницами. Один из сараев оказался жилым блиндажом вместительностью десять-двенадцать человек. Второй неизвестные строители приспособили под продовольственный склад, в его полутемных недрах Карбанов с трудом разглядел стеллажи с приличным запасом консервов, круп, муки, сухарей. Между сараями чернело кострище с двумя грубыми лавками, метрах в пятнадцати от блиндажа из-под земли бил родничок. За час в ловко приспособленную пластиковую банку из родника набиралось около пяти литров относительно чистой пресной воды.

Над постройками колыхалась от дуновений ветерка старая потрепанная камуфляжная сеть, вокруг шелестели листвою деревья и кустарники. В общем, заметить лагерь можно было, лишь подойдя вплотную.

– Откуда здесь все это? – удивленно спросил Николай.

– Эту точку обустроила пару лет назад одна из наших групп, – деловито ответил Сергей.

– И долго нам здесь придется куковать?

– Пока не знаю. Через полчаса свяжусь с командованием, доложу о прибытии, а оно пусть думает, как и на чем нас отсюда эвакуировать. Располагайтесь со своими людьми в блиндаже. Да и не забудьте поправить сетку на окнах, иначе насекомые замучают...

Мошкары и прочего гнуса на болоте действительно было с избытком – поболее чем в Сибири и на Дальнем Востоке. Это вертолетчики заметили еще по пути на островок – открытые части тел: руки, лица, шеи – зудели и имели пунцовый цвет от укусов.

Махнув своим ребятам, майор направился к блиндажу. Пора было обустроить место для отдыха и просушить насквозь промокшую одежду...

Так уж получилось, что следом за Михаилом Гусенко влюбился и его командир – Николай Карбанов. Объектом его воздыханий тоже стал медицинский работник – Елена Барина. Это была миниатюрная и очень милая тридцативосьмилетняя женщина, заведовавшая хирургическим отделением госпиталя.

Впервые она обратила внимание на Николая, когда тот проходил углубленный медицинский осмотр в рамках ежегодной врачебно-летней комиссии. Ее заинтересовал диалог врача-окулиста со статным пилотом лет сорока – сорока двух. Барина зашла по делу, но не стала отвлекать врача. Она встала у окна под струю прохладного воздуха кондиционера.

– Левый глаз, – скомандовала окулист и коснулась кончиком указки офтальмологической таблицы. – Какая буква? Эта какая? Эта?...

С крупными буквами пилот справлялся без проблем, а вот с мелкими дело не шло – он называл их, но с задержкой.

– Складывается впечатление, будто вы знаете таблицу наизусть и, перед тем как назвать букву, отсчитываете ее порядковый номер в строчке, – заметила врач.

– К сожалению, вы правы, – смущенно признался Карбанов.

– Ладно, продолжим... – сменила она буквенную таблицу Сивцева на таблицу символов Головина.

С данным тестом проблем нарисовалось еще больше: майор морщил лоб, щурил глаза, всматривался и... не угадывал направления разрывов в черных кружочках.

Присев за рабочий стол, женщина-врач развела руками:

– Не понимаю, как вас допустили к полетам мои коллеги, Николай Алексеевич. У вас же дальность зрения!

– Я знаю, – кивнул тот. – Но мне она не мешает.

– Но как же вы летаете?! Вы, наверное, и приборов-то не видите?...

– Вижу. Конечно, не так хорошо, как в молодые годы, но показания различаю. К тому же у меня очень хорошая мышечная память.

Барина с интересом наблюдала за тестированием. Услышав последний ответ, заинтересовалась:

– Позвольте, а при чем тут мышечная память?

– Понимаете, я летаю на данном типе почти двадцать лет, и руки помнят каждый тумблер, каждую кнопку, – повернулся к ней Николай. Затем добавил: – Пожалуйста, напишите в заключении, что я годен. Я ведь кроме как управлять вертолетом больше ничего не умею.

Обе женщины увидели в его взгляде мольбу и просьбу о помощи. Елена посмотрела на подругу и еле заметно кивнула.

Спустя минуту счастливый Карбанов покинул кабинет окулиста. В руках он держал медицинскую книжку, в которой врач только что сделала запись о его годности к летной работе. После этого они стали встречаться, но... ненадолго...

Карбанова назначили старшим авиационным начальником на базе «Сонмар» неспроста. Где он только не летал. Довелось и повоевать, и даже словить в Чечне пулю.

Однажды пришлось эвакуировать на Кавказе группу разведки. Сели в седловине, подбегает старший группы – старлей:

– Командир, наш боец сорвался в пропасть. Лежит на уступе метров на семьдесят ниже седловины. Весь переломанный – кричит, стонет.

– Так у вас же альпинистское снаряжение – почему сами не достали? – удивился Николай.

– Не успеем – крупная банда «ченов» на подходе. Уходить надо срочно.

Подождал командир «восьмерки» к краю пропасти, глянул вниз. И покачал головой:

– Не могу рисковать экипажем – не зависнет здесь моя машина.

– Почему не зависнет?

– Тяжелая. А воздух в горах разреженный – винтам и зацепиться толком не за что...

Разведчики начали спешно готовить снаряжение, чтобы самостоятельно достать бедолагу. Вниз, обвязавшись веревками, полез сам старлей.

Все шло хорошо, но под конец он так заторопился, что сорвался и упал рядом с бойцом. При падении тоже сломал руку и ногу.

Зло сплюнув, Карбанов вторично встал на краю пропасти. Сделав в уме какие-то расчеты, скомандовал:

– Экипаж, готовим машину к запуску. В ущелье полечу я и бортовой техник...

И полетел. А молоденький правый пилот стоял над обрывом и, затаив дыхание, переживал за своих, потому что работа была чрезвычайно сложной. Да и «чены» могли нагрянуть в любой момент.

Николаю удалось удачно зависнуть рядом с уступом и принять на борт двоих пострадавших. Вот только высоту машина набирать отказывалась. Винт перемальвывает воздух, а толку – ноль!

Пришлось осторожно снижаться ко дну ущелья и разгонять ее до приличной скорости в горизонтальном полете. Только таким образом он сумел выбраться наружу и снова произвести посадку в седловине.

Привыкание к новым условиям прошло как-то незаметно. Вероятно, это случилось потому, что люди после затяжного марш-броска по болоту здорово устали и психологически

были готовы к отдыху где угодно – хоть на сухом травянистом бугорке. А тут не то что бугорок, а целый остров с деревянным блиндажом и складом нормальных продуктов.

Прибравшись в новом жилище и развесив для сушки одежду, авиаторы помогли спецназовцам с приготовлением ужина. Всех одолевал сон, но есть хотелось еще сильнее.

За ужином сидели вокруг догоравшего кострища и с аппетитом уминали разогретое овощное рагу с ароматной тушенкой. Было чертовски вкусно. К тому же Лисин пустил по кругу фляжку с водкой.

– По паре глотков, – предупредил он. – К сожалению, спиртного мало – придется экономить...

По телам разлилось приятное тепло. Захорошело.

Авиаторы по очереди задавали спецназовцам вопросы, касающиеся и данного местечка, и времени пребывания на островке, и способах эвакуации. Но те либо отмалчивались, либо отвечали односложно и расплывчато.

Сладкий чай с галетами потребляли молча. Лишь в самом конце приема пищи Власов выплеснул остатки напитка в костер и обмолвился:

– Летчики могут отдыхать – к охране острова привлекать вас не будем.

Это было разумным решением, так как никто из экипажа Карбанова подобной деятельностью за службу не занимался.

– Первая пара дозорных – Лисин и Яковлев – заступает на дежурство в двадцать ноль-ноль, – продолжил капитан. – В полночь их меняют Конопко и Тубарь. Мы со Стрельцовым дежури́м с четырех до восьми утра...

Глава вторая

Валентина стряхнула невидимую пылинку с пиджака супруга и привычно поинтересовалась:

– Во сколько тебя ждать?

– Сегодня важное совещание, – глянув в зеркало, ответил тот. – Могу на часок задержаться.

– Тогда не забудь позвонить, чтобы я ужин дважды не грела.

– Не забуду.

Поцеловав жену в щеку, Виктор Шаталов открыл дверной замок и, покинув квартиру, спустился к поджидавшему служебному автомобилю.

– В Аракчеево, – бросил он водителю.

Плавнo тронувшись, черное представительское авто вырулило на широкий проспект и, набирая скорость, понеслось в сторону восточного пригорода столицы...

Генерал-лейтенант Шаталов возглавлял Управление особых операций. Ему было под шестьдесят – по всем канонам, инструкциям и документам давно пора на пенсию. Однако высокое начальство об увольнении не заикалось. Значит, ценили. Значит, был нужен.

Машина то разгонялась, то подолгу тащилась в пробках. В такие моменты Виктор Семенович бросал взгляд на часы и вздыхал. Водила – молодой прапорщик по имени Федор – краем глаза замечал нервозность шефа, но ничего поделать не мог. Здесь, на выезде из столицы, всегда были заторы. Разве что за исключением глубокой ночи.

Приоткрыв окно, Шаталов закурил первую за сегодняшнее утро сигарету. Полгода назад, втихаря от Валентины, он пожаловался знакомому терапевту на появившиеся боли в груди. Тот положил его на обследование, и несколько дней люди в бирюзовых комбинезонах колдовали над ним с кардиографами, ультразвуковой диагностикой, сцинтиграфией, томографией...

Ничего опасного врачи не выявили, но приятель, изучив заключения, настоятельно посоветовал завязать с курением, ограничить физические нагрузки, а вместо длительных заседаний в кабинетной духоте почаще прогуливаться по свежему воздуху.

– Совсем бросить не готов, – прощаясь с доктором, сказал генерал, – а вот сократить до минимума обязуюсь. Одну сигарету после завтрака, одну после обеда и две после ужина. Так пойдет?

– Ну, это лучше, чем высаживать по две пачки за день, – улыбнулся тот. – Пейте для профилактики назначенные препараты, а если почувствуете сбой – немедленно звоните...

И с тех пор как обрубил – не более четырех сигарет в день. Даже в редкие выходные.

Виктор Семенович был среднего роста – около ста семидесяти сантиметров, и довольно щуплого телосложения. При этом голосом обладал низким и грубоватым. Густые волосы с совершенно седыми висками, прямой нос, густые и тоже седые брови над серыми глазами. Кожа была смугловатой – сказывались долгие годы службы в жарких странах под ярким тропическим солнцем. Несмотря на мелкие недостатки характера, Шаталов оставался великолепным профессионалом, наработавшим богатый опыт. Помимо способностей имелись железная выдержка, смелость, незаурядный ум.

Наконец машина вырвалась из длинных пробок и резво покатила в сторону подмосковной резиденции. Начальник Управления затушил в пепельнице окурок и поднял стекло. В салоне стало намного тише. Повернув голову вправо и глядя на проплывавшие за окном пейзажи, он тяжело вздохнул...

Уже несколько дней Виктор Семенович мучился, пытаясь решить тяжелейшую для себя задачу. Анализируя сложившуюся ситуацию и перебирая немногочисленные варианты, он старался распутать сложный узел.

Все началось пару дней назад со срочного донесения из Африки, в котором говорилось о сбитом транспортном вертолете и о пропаже его российского экипажа. Это было серьезное ЧП, и начальство требовало от генерала срочного решения.

Три человека: майор Карбанов, капитан Гусенко и прапорщик Тараев – исчезли с места аварийной посадки, не оставив ни единого следа. Вертолет имел на борту оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие и готовился произвести посадку на окраине небольшого городка, гарнизон которого отчаянно отбивал атаки подошедшего с северо-запада крупного отряда повстанцев. Скорее всего, кто-то из них пулеметным огнем и умудрился вывести из строя «вертушку». Командовавший гарнизоном майор немедленно отправил к месту жесткой посадки подразделение солдат. Те довольно быстро нашли пострадавшую машину, однако членов экипажа на месте уже не было. Ни живых ни мертвых.

Следом за донесением раздался телефонный звонок заместителя министра, и Шаталову была поставлена задача забросить в Западную Африку для поиска и спасения вертолетчиков наиболее подготовленную группу спецназа.

В распоряжении генерал-лейтенанта имелся отряд специального назначения «Тобол», командовал которым опытный сотрудник – полковник Андрей Данилов. Отряд состоял из четырех небольших тактических групп.

Группа «Дон» недавно прибыла из Сирии, где понесла значительные потери в виде одного убитого и трех раненых бойцов, в данный момент группа находилась на отдыхе, и привлекать ее к заданию не имело смысла.

Вторая группа, под кодовым названием «Енисей», была сформирована совсем недавно и пока проходила обкатку, выполняя относительно простые задания. О ней также следовало забыть.

Третья группа именовалась «Вятич». Опыта ее бойцам хватало, но в данный момент они выполняли важное задание в северных районах Сирии – вблизи границы с Турцией. Возвращение «вятичей» ожидалось не ранее чем через две недели.

Оставалась последняя группа, носившая название «Десна». Это подразделение комплектовалось наиболее подготовленными офицерами и являлось лучшим в составе отряда «Тобол». К тому же парни успели хорошо отдохнуть после возвращения на родину из крайней командировки.

Казалось бы, в чем проблема? Вызывай полковника Данилова, вводи в курс, ставь задачу. Он очень грамотный тактик, совместно с командиром «Десны» оперативно подготовит план действий, и через несколько часов группа будет переброшена в столицу воюющего африканского государства.

Но тут-то и обозначался тот нарыв, который саднил с момента телефонного разговора с заместителем министра.

Дело заключалось в том, что в группе «Десна» служил единственный сын Виктора Семеновича – двадцатичетырехлетний старший лейтенант Владимир Шаталов. Единственный, тяжело доставшийся, выстраданный.

С Валентиной они поженились давно – около сорока лет назад. Вначале было не до детей: молодого офицера бросали то в одну часть, то в другую, частые переезды, смена места жительства. А потом, когда быт наконец-то наладился, вдруг выяснилось, что у супруги не все в порядке со здоровьем – по женской части. Последовали годы хождений по клиникам, многочисленные обследования, курсы лечения...

Наконец двадцать четыре года назад родился мальчик – пухленький, розовощекий и абсолютно здоровый. Родители были на седьмом небе от счастья и не чаяли в сыне души. Тем не

менее воспитывали правильно, без баловства и капризов. Учился Володя хорошо, занимался в двух спортивных секциях, а окончив школу, решил поступать в военное училище.

Уже тогда генерал Шаталов понимал, что легкой службы у парня не будет. Однако выбору не перечил, а супругу успокаивал:

– Ну что ты, Валечка! С Чечней закончили, страна живет в мире. Пусть служит...

И Владимир, окончив сначала училище, а затем курсы спецназа, действительно спокойно служил в одном из подмосковных гарнизонов. До тех пор, пока руководство страны не решило направить наши войска в Сирию.

Промчавшись по свободной трассе до Аракчеева, представительский автомобиль сбросил скорость перед въездом в населенный пункт, аккуратно миновал его центр и повернул к восточной окраине. Проехав по улице с односторонним движением, подкатил к автоматическим воротам Управления. Завидев генеральский автомобиль, дежурный офицер тотчас запустил электрический механизм, и створки бесшумно поползли в разные стороны.

Спустя несколько секунд машина остановилась напротив парадного входа в основное здание. Подхватив черный кожаный портфель, Шаталов выбрался из салона, преодолел несколько ступенек и вошел внутрь.

В небольшом холле его поджидал один из помощников – молодцеватый малый в ладном темном костюме.

– Товарищ генерал, участники совещания по вашему приказанию оповещены и ожидают. Пожалуйста, сводка последних событий и донесений, – протянул он тонкую папку.

– Благодарю. Организуйте всем чаю.

– Сейчас сделаем. Еще указания будут?

– Пока нет.

Кивнув, помощник проводил шефа до кабинета и исчез в соседнем вспомогательном помещении.

– Доброе утро, – поздоровался Шаталов с ожидавшими его в «предбаннике» офицерами. Те дружно встали.

– Прошу в кабинет. Сейчас нам принесут чайку...

Несколько человек расселись за длинным столом. Ближе всех к начальнику Управления расположились его первый заместитель – генерал-майор Дмитрий Казаков и представитель СВР – полковник Анатолий Барко. Чуть дальше сидели командир отряда «Тобол» полковник Данилов и помощник – капитан Юрий Кан.

Первым делом Шаталов открыл тонкую папку и мельком просмотрел свежую информацию. Краткая сводка по Управлению, перечень входящих телефонограмм, оперативная информация...

– Итак, товарищи, приступим, – не обнаружив ничего сверхважного, отложил генерал папку. – Основная тема нашей встречи – пропавший экипаж транспортного вертолета «Ми-8». Прошу высказываться коротко и опираясь на факты. Анатолий Николаевич, – глянул он в сторону представителя внешней разведки, – вам первое слово...

Слушая подчиненных, Виктор Семенович глядел в одну точку перед собой и мысленно возвращался к попыткам решить дилемму. «Я слишком хорошо помню отчаяние Валентины. Помню ее слезы и длинные бессонные ночи в те годы, когда она не могла забеременеть, – размышлял он. – Что с ней будет, когда я скажу, куда отправил единственного сына? Что будет с его женой Верой, которая останется с маленьким Егоркой на руках? И как мне потом смотреть им в глаза?...»

– ...То, что вертолет сбит мятежниками, у нас практически не осталось сомнений. Это подтверждает еще один полученный нами факт, – уверенно сказал полковник Барко.

– Какой? – потянулся к сигаретной пачке Шаталов, но, вспомнив об ограничении, передумал.

– Два дня назад мои сотрудники беседовали с командиром второго экипажа, выполнявшего рейс в качестве ведомого.

– Капитан Доглин, кажется?

– Да, Доглин Александр Вячеславович.

– Он подтвердил эту версию?

– Он абсолютно уверен в обстреле с земли – члены его экипажа отчетливо видели вспышки выстрелов и трассы, тянувшиеся к вертолету Карбанова справа.

– Хорошо, с причиной аварийной посадки более или менее понятно. Давайте перейдем к исчезновению экипажа...

«...И это только одна сторона возможной трагедии, – незаметно вздохнул генерал, вернувшись к своим мыслям. – А как мне самому жить, если с Володькой в этой командировке, не дай бог, что-нибудь случится? Как?!»

– ...К упавшему вертолету совместно с группой местных военных прибыл наш военный советник – подполковник Державин, – продолжал разведчик. – Он лично осматривал место, а затем составил подробную докладную записку.

– Как быстро туда прибыла группа? – спросил заместитель Шаталова.

– Буквально через двадцать пять – тридцать минут.

– Это приличный промежуток времени.

– Согласен, полчаса – это много. К примеру, пилоты могли покинуть место посадки самостоятельно, а после попросту заблудиться в джунглях и нарваться на вооруженных мятежников. Но мы все-таки склоняемся к другой версии.

– К какой?

– К версии захвата авиаторов мятежниками непосредственно на месте аварийной посадки...

«...Если с ним что-то случится, то... Нет, я просто этого не переживу. – Виктор Семенович скосил взгляд на крышку верхнего ящика левой тумбы рабочего стола, где лежал наградной пистолет ПСМ. – Как ни сентиментально это звучит, но Володька для меня – все. Солнце, кислород, жизнь... И зачем мне жить, если его не будет рядом?...»

– ...Прежде всего, в пользу данной версии говорит пропажа некоторого количества оружия и боеприпасов из тех ящичков, что были на борту вертолета.

– Но оружие могли прихватить и пилоты, – заметил командир «Тобола».

– В таком количестве – вряд ли, – возразил Барко. – По данным того же Державина, из транспортируемого груза пропало порядка двадцати автоматов и столько же цинковых упаковок с патронами. Это более двадцати тысяч штук. Согласитесь – тяжеловато для троих.

– Да, столько бы они не утащили, да и незачем, – согласился генерал Казаков. – Летчики взяли бы по одному автомату, по под сумку с магазинами, и дело с концом.

– А главное, что они прекрасно ориентируются на местности и, по возможности, сразу вышли бы к окраине города, контролируемой гарнизоном, – кивнул представитель разведки. – Но этого не произошло, из чего мы сделали вывод о захвате их сразу после посадки.

– Хорошо, давайте остановимся на этой версии – она мне кажется наиболее правдоподобной, – очнулся от размышлений Шаталов. – Какие у вас, Анатолий Николаевич, имеются предположения относительно дальнейшей судьбы вертолетчиков: куда их переправили, где содержат?

Полковник пару секунд помолчал, затем раскрыл свою кожаную папку, постучал указательным по верхнему документу и неуверенным голосом произнес:

– К сожалению, дальше, Виктор Семенович, у нас не факты, а лишь одни предположения.

– Что ж делать – случается и такое. Итак, мы вас слушаем...

«...Группа «Десна» действительно наиболее подготовленная в отряде, спецы в ней прожженные, опытные, особенно командир – майор Савин. Все опытные, за исключением моего Володьки. Он самый молодой, только что прошел обкатку в простеньких командировках и теперь, попав в «стаю волков», горит желанием испытать себя в настоящем деле. И попробуй погасить в нем это желание! Попробуй его остановить! – слушая разведчика, Шаталов чертил в блокноте абстрактные фигуры. – Впрочем, остановить-то несложно. Одно мое слово, один росчерк пера, и как миленький останется в Москве. Но тогда не избежать проблем в наших с ним отношениях...»

Он оторвался от рисования и глянул на помощника:

– Юрий Николаевич, принесите подробную карту того района, о котором только что говорил Анатолий Николаевич.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – встал тот из-за стола и вышел из кабинета.

Пока помощник выполнял приказание, начальник Управления решил выяснить некоторые подробности только что услышанного предположения.

– Вы не засекли, откуда выходили на связь с полковником Красновым с требованием выкупа?

– Из-за отсутствия соответствующей аппаратуры мы можем назвать лишь город – точнее не получится, – развел руками Барко.

– Хорошо, назовите город.

– Бонг.

– Сколько просили?

– Цена стандартная: миллион долларов за человека.

– По-моему, других цифр они просто не знают, – пробурчал полковник Данилов.

– Значит, переговоры со стороны мятежников вел Амад Мазу?

– Он самый. Первый раз вышел на связь с командиром базы Ува Баладу, который сразу доложил о переговорах своему командованию. Ну, а те, в свою очередь, моментально связались с нашими дипломатами.

– И те подключили к переговорам полковника Краснова?

– Именно так. Краснов к тому моменту проработал в этой стране около двух лет, прекрасно владел обстановкой, знал язык и обычаи, был лично знаком с некоторыми оппозиционными лидерами и полевыми командирами. Неудивительно, что именно его привлекли к переговорам...

– Это похоже на блеф, или наши вертолетчики действительно в руках повстанцев?

– К сожалению, Краснов уверен, что Мазу не блефовал...

«...Запретить. Вычеркнуть Володьку из списка. Перевести приказом в другую группу – и дело с концом. Ну, обидится: на пару месяцев встанет в позу и забудет дорогу к родителям. Тяжело, конечно, придется нам с Валею, но... Зато останется жив. Егорка будет расти с отцом, Вера не овдовеет, и мы не лишимся сына...»

– Понятно. И чем закончились переговоры Краснова с Мазу? – спросил он, когда в кабинете повисла пауза.

– Мазу сам неожиданно прервал радиосвязь буквально на полуслове и больше в эфире не появлялся. Полковник Краснов полагает, что в этот момент на базе мятежников произошел какой-то инцидент.

– Сколько времени прошло с момента последнего сеанса?

– Четверо суток.

Дверь бесшумно открылась, в кабинет вошел капитан Кан с картой в руке. Расстелив ее перед шефом, он встал рядом, ожидая дальнейших указаний.

– Садись, Юрий Николаевич, – кивнул Шаталов и обратился к Барко: – Где находится тот город, откуда велись переговоры?

Разведчик поднялся со своего места, обошел стол и, склонившись на картой, показал кончиком шариковой ручки интересующий населенный пункт:

– Бонг. Но есть одно замечание.

– Выкладывайте!

– После внезапного прекращения связи между Красновым и Мазу мы поручили агентам понаблюдать за Бонгом. И вскоре пришло сообщение о том, что активность повстанцев в этом городе заметно снизилась.

– С чем вы это связываете?

– Вероятно, боевики поняли, что место «засвечено», и решили поменять дислокацию.

– Так! И что же?

– А вот немного южнее их активность, напротив, возросла.

– Где именно?

– Во втором по величине городе, который мятежники превратили в свою столицу, в Демаре.

– Где он? Покажите!

Разведчик переместил кончик авторучки на юг:

– Здесь.

– То есть, по мнению ваших сотрудников, группа пленников содержится в Демаре?

– Так точно, Виктор Семенович. Достоверной информации о том, что пленниками являются именно пилоты нашего вертолета, к сожалению, нет. Но по некоторым косвенным данным все сходится, в одном из домов на западной окраине города содержатся трое мужчин в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, в камуфлированной форме, и сидят они под охраной несколько суток – как раз с момента пропажи вертолетчиков.

– Вы сказали место, где их содержат, находится на западной окраине.

– Совершенно верно, вот тут. В одном из добротных двухэтажных домов в этом квартале. – Острие шариковой ручки замерло возле квартала на правом краю города.

Генерал сделал пометку возле обозначенного места и поинтересовался:

– Сколько человек охраняют здание?

– Этого нашим агентам выяснить не удалось.

– Понятно. Благодарю вас, Анатолий Николаевич, – кивнул Шаталов и обвел присутствующих взглядом: – Есть какие-нибудь дополнения и соображения по данному делу?

– Посылать наиболее подготовленных людей, брать домишко штурмом и как можно быстрее уходить в джунгли, – озвучил заместитель то, о чем думали практически все участники совещания.

– Что ж, будем действовать именно так, – согласился Шаталов. – Полковнику Данилову подготовить к срочному вылету группу «Десна».

– Понял, товарищ генерал. Когда отправка?

– Вылет завтра в пять утра.

Совещание закончилось. Все приглашенные разошлись по делам, полковник Барко уехал в свое Управление. Оставшись в одиночестве, Шаталов стоял у окна и дымил внеочередной сигаретой...

«Володька закономерно спросит: «Зачем я пошел в десантуру, отец? Для чего стал спецназовцем? Чтобы ты отмазывал меня от опасных операций? Тогда, может быть, мне следовало поступать не в Рязанское училище, а в Институт гостиничного и туристического менеджмента?...» И будет совершенно прав. Хотя бы потому, что я всю жизнь учил его не прятаться за чужими спинами...» – терзался он все теми же невеселыми мыслями.

Сзади скрипнула дверь, слышались частые шаги.

Виктор Семенович не стал оборачиваться. Без стука и доклада к нему в кабинет мог войти только заместитель. Да и походка была его – мягкая, семенящая.

- Ты чего сегодня такой смурной? – прозвучал в тишине голос Казакова.
- А-а, – отмахнулся генерал и затушил окурок. – Лучше не спрашивай.
- Можешь не отвечать – я догадываюсь о причине. Тебя беспокоит Владимир.
- Судьба детей всегда беспокоит нормальных родителей.

Шаталов прошелся вдоль окон, вернулся к столу, сел в кресло. Вынув из ящика стола одну из папок, бросил ее на стол перед собой. На обложке был наклеен ровный бумажный квадрат с напечатанным текстом: «Список личного состава отряда специального назначения «Тобол». Дата последней корректировки...» Карандашом была указана свежая дата, когда несколько погибших сотрудников выбыли, а на их штатные места зачислили других.

- Ты по делу? – спросил он заместителя.
- Нет, зашел узнать, что с тобой. Уж больно ты подавленно выглядел на совещании.
- Выпить хочешь?
- Пожалуй, можно, – пожал плечами Казаков. – Публичных мероприятий на сегодня больше нет.

– Тащи! – кивнул генерал на барный отсек в короткой мебельной стенке.

Сам тем временем открыл папку, перевернул несколько страниц и нашел список группы «Десна».

Командиром группы значился майор Геннадий Савин – опытный тридцатидвухлетний вояка. Ветеран отряда. Не женат, проживает в Москве, в служебной однокомнатной квартире.

Вторым по списку шел его заместитель – капитан Николай Литвинов. Двадцать восемь лет, грамотный, рассудительный офицер. Женат, двое несовершеннолетних детей, живет в ближнем Подмосковье.

Следующим был старший лейтенант Вячеслав Мазенко. Связист по специальности, двадцать пять лет. Холост, проживает в служебной квартире на северо-западе столицы. С этим добродушным и начитанным парнем неплохо сдружился Володька, числившийся в списке четвертым.

Пока Казаков разливал по рюмкам коньяк, взгляд Шаталова несколько раз скользнул по сухим строчкам, касавшимся его сына.

Возраст, звание, специализация, дата зачисления в отряд, семейное положение, место жительства...

Пятым членом группы был снайпер – тридцатипятилетний прапорщик Василий Трифонов. Самый возрастной и опытный боец в группе. Женат, имеет сына-старшеклассника. Проживает в ближнем Подмосковье в частном доме вместе с престарелыми родителями.

Шестым и последним в списке числился прапорщик Анатолий Панков. Тридцать лет, по специальности – медик. В отряде служит шестой год. Разведен. Проживает в однокомнатной квартире, расположенной в Домодедово.

- Ну, давай, – поднял Шаталов рюмку.
- За успех предстоящей операции? – с улыбкой предложил Казаков.
- За успех...

Два генерала проглотили алкоголь, закурили. Выпуская к потолку тонкую струйку дыма, заместитель бросил:

– Да не мучайся, Виктор. Замени Владимира на кого-нибудь из другой группы. В «Енисее» есть нормальный капитан – в Сирии прошел серьезную обкатку. И мужики из «Десны» тебе спасибо скажут, и со своей души камень сбросишь.

Шаталов одарил Казакова тяжелым взглядом:

- А как потом руководить Управлением? Как смотреть людям в глаза?

– Брось, Виктор, ерунда все это!

– Ну, во-первых, Дима, доверие и авторитет в нашей работе – вовсе не ерунда. Во-вторых, Володька мой – не паркетный розовощекий мальчик, а настоящий боевой офицер, воспитанный безо всяких поблажек. Был бы другим – сам бы попросился служить при штабе.

– Да, с этим не поспоришь. Боишься, что взбрыкнет?

– Еще как взбрыкнет.

– И что думаешь делать?

– Не знаю... – вздохнул Шаталов. – С одной стороны, не хочется его ломать, отстраняя от командировки. С другой – если с ним что-то случится, я себе этого никогда не прощу. До самой смерти.

– То-то и оно.

– Налей еще, что ли, по одной...

Казаков наполнил рюмки ароматным алкоголем. Выпили. Вновь подпалили по сигарете. Это уже была третья по счету за сегодняшний день – такого нарушения Шаталов никогда себе не позволял.

– Ты иди, Дима, – выдохнул он дым. – А я до подписи приказа посижу и подумаю.

Кивнув, Казаков поднялся и зашагал к выходу.

– Зови, если помощь потребуется, – на ходу бросил он.

– Хорошо, позову...

Глава третья

– ...Обязательно еще разок наведаюсь туда, – мечтательно вздохнул Равиль. – Вот закончатся все наши злоключения, вернемся на базу, напишем рапорта на отпуск, и сразу куплю билет на поезд. Именно на поезд – чтоб не торопясь посмотреть в окошко на родные просторы. Напишем же, командир? Нам ведь положен отпуск после плена?

– А как же иначе? Конечно, положен, – улыбнулся Карбанов. – Как минимум месяц для психологической реабилитации.

– Вот и отлично!

– Мне тоже всегда чертовски нравился этот город. Впервые я попал в Питер лет в двенадцать и сразу понял, что влюблен в его архитектуру, в его жителей. И даже в сырую ветреную погоду, – негромко говорил Николай, заложив руки за голову и глядя в бревенчатый потолок. – Вряд ли я тогда понимал толк в ценностях экспонатов Эрмитажа или романтику белых ночей. Но почему-то дико щемило сердце, когда уезжал...

Спустя три дня обстановка на острове нисколько не поменялась и даже стала привычной. Вдоволь отоспавшись и восстановив силы, те заскучали и на второй день сами попросили какой-нибудь работы.

Подумав, капитан предложил:

– Хорошо, можете собирать сухой хворост для костра. Только не маячьте по краю болота – мало ли что...

На том и порешили. Вчера перед ужином вертолетчики обошли по периметру весь островок и притащили к лагерю три большие охапки сухих веток. Сегодняшний рейд был запланирован на пять часов вечера. А пока валялись на жестких бревенчатых нарах в блиндаже и мечтали о возвращении в Россию.

– А я Питер ненавижу, – вдруг подал голос молчавший до этого Михаил.

Ему досталось место в дальнем углу блиндажа под узким длинным окном, забранным сеткой.

– Почему? – едва ли не хором переспросили друзья.

Хмыкнув, Гусенко повернулся с бока на спину и пояснил:

– Первый раз я приехал в этот город на похороны бабушки в семнадцать лет – за два месяца до поступления в Сызранское авиационное училище. Прошелся пешочком с Московского вокзала по Невскому, простился с бабушкой, постояв на ее могилке, перекусил на поминках и вернулся по Лиговскому на вокзал. Весна, солнышко, монетка в канал с клятвой «я обязательно сюда вернусь», кофе и булочка в привокзальном кафе. В общем, полный восторг, граничащий со счастьем.

– Так чего ж ты его не любишь?

– Слушайте дальше, – мрачно усмехнулся Мишка. – Смотрю, по перрону прохаживается удивительной красоты барышня. Юная, интеллигентная, нежная, стильно одетая. Поглядел я на нее, полюбовался и решил предложить вырванное из груди сердце. Подошел, что-то промямлил. И знаете, что произошло?

– Что? – шепотом спросил Равиль.

– Не поднимая глаз, это воздушное создание пропитым голосом бомжихи со стажем послало меня в одно известное место. А когда я пошел в заданном направлении, оно вдруг догнало и попросило мелочи на опохмел.

– Данный случай – не повод для ненависти. Наверное, был еще какой-то негатив? – усмехнулся Карбанов.

– Был, – кивнул капитан. – И не один.

– Рассказывай...

В дневном дозоре торчал снайпер Тубарь. Медик Яковлев и подрывник Конопко отправились на склад за продуктами для ужина. Власов, Лисин и Стрельцов сидели на лавке у погасшего кострища.

- Где пилоты? – оглянулся по сторонам командир группы.
- Валяются в блиндаже, – лениво ковырял палкой в золе Лисин.
- Пригляди за ними. А ты, Леха, приготовь станцию спутниковой связи.

Лисин послушно встал и, приблизившись к блиндажу, вытянул из пачки сигарету. Подтянув ранец, связист достал причиндалы и начал настраивать станцию...

- Готово, командир, – протянул он через несколько минут гарнитуру.
- «Гольфстрим», я – «Босфор». Как меня слышно? – запросил Власов.
- Отлично слышу, – отозвался дежурный офицер связи.
- Пожалуйста, переключите меня на Алекса.
- Переключаю...

Босс ответил секунд через пятнадцать:

- Как дела, «Босфор»?
- Отвратительно, Алекс.
- Что-то случилось? – насторожился далекий абонент.
- Нет, слава богу, просто плохое настроение. Мы третий день гнием в болоте.
- Придется потерпеть.
- Сколько можно?!
- Если не ошибаюсь, вы получаете денежное вознаграждение за каждый день операции.

Верно?

- Да, что-то капает, – поморщился капитан.
- Не «что-то», а вполне приличные суммы, – отчеканил Алекс. Затем перешел к делу: –

Как себя чувствуют авиаторы?

- Нормально. Едят, спят, болтают о жизни...
- Они еще не догадались о том, кто вы?
- Нет, они уверены, что мы бойцы русского спецназа...
- Отлично.
- Алекс, когда вы намерены нас эвакуировать? – вновь вернулся к первоначальной теме капитан.

- Мы работаем над этой проблемой, «Босфор». Работаем.
- А что за проблема?
- Сейчас объясню. По нашим данным, ближайшим местом, откуда можно произвести безопасную эвакуацию «вертушкой», является заброшенная лесная деревня Сапа, что в десяти километрах к северу от вашего лагеря...

Продолжая слушать босса, капитан выхватил из кармана карту и, расправив ее на колене, нашел названный населенный пункт.

- Да, вижу такую, – подтвердил он.
- До войны в этой деревеньке действовало небольшое деревообрабатывающее производство и проживало около сотни человек. Сейчас остались одни развалины, среди которых имеется небольшая площадка, пригодная для посадки вертолета.

– Ясно. Так в чем же дело? Мы готовы провести разведку, перебраться поближе к Сапе и ждать «вертушку».

- Разведку провести придется, а вот летчиков тащить туда не торопись.
- Но почему, Алекс?
- По данным нашего агента, деревню контролируют люди Карби Туро – одного из приближенных начальника штаба повстанцев.

– Амада Мазу?

– Верно. Теперь приготовься услышать самое главное. Мазу приказал Туро любой ценой найти и отбить экипаж русского вертолета. Так что несколько дней предлагаю не дергаться, а тихо посидеть в лагере – о нем повстанцам ничего не известно. Когда поисковая операция перетечет в завершающую фазу, осторожно проведешь разведку деревни.

– Какова численность поисковой группы?

– Приблизительно двадцать пять – тридцать человек, но состав группы периодически меняется.

– Скоро начнется сезон дождей, и остров, на котором находится лагерь, почти полностью уйдет под воду, – напомнил капитан. – Алекс, мои люди измотаны марш-бросками и духотой. Нам требуется нормальный отдых.

– Не волнуйся, мы эвакуируем вас до начала дождей. Удачи, «Босфор»! Регулярно докладывай о своих вылазках.

– Понял.

– До связи...

– ...Несколькими годами позже мне довелось побывать в Питере вторично, – с загадочной и слегка ехидной улыбкой продолжал рассказ Михаил. – У меня случился лейтенантский отпуск, и переехавший в Питер друг детства пригласил в гости. Помня о первых впечатлениях, я долго отказывался, но он пообещал: «Будем бухать на родительской даче и в город даже не сунемся». В общем, ничего не предвещало беды...

Прямоугольный бревенчатый блиндаж, где обитали вертолетчики, был небольшим – около двадцати пяти квадратных метров. Вдоль длинной западной стенки стоял топчан, собранный из тонких отесанных бревен. На общей лежанке с относительным удобством могло разместиться до двенадцати человек. Поверх бревенчатого настила спецназовцы набросали свежих пальмовых и тростниковых листьев. Каждая из длинных стен блиндажа имела узкие окошки, которые при обороне использовались в качестве бойниц. Дерево не пропускало внутрь помещения невыносимое пекло, а благодаря грамотному расположению окон здесь гулял приятный сквознячок.

– ...Другана звали Витькой. Учился он на последнем курсе университета, но в аудитории появлялся крайне редко, так как в основном подрабатывал экспедитором в какой-то компании – сопровождал продуктовые фуры и рефрижераторы в Финляндию и обратно. В общем, я повелся на его уговоры и поехал, – приняв сидячее положение, закурил Гусенко.

– И что же? – поправил Равиль сетку на окне. – Опять обломился на бабе?

– Нет, баб в тот раз не было. Мы действительно отправились на дачу, где истопили ядреную русскую баню, парились, пили ледяную водочку под отменную закуску и вспоминали юность. Все было отлично: отдохнули, погрели косточки, нажрались в зюю... И вдруг звонок на сотовый друга. «Да, слушаю. Что? Почему я? У меня же выходные!.. Опять некому ехать?... Да вы уже достали, суки! Что?... Оплата по двойному тарифу?... Сейчас... дайте подумать... Ладно, черт с вами – собираюсь...» Короче, сосватало ему начальство внеочередную поездку в Финляндию за партией продуктов...

Лежа на жестком самодельном топчане, Карбанов в «фоновом режиме» слушал второго пилота, а заодно размышлял над тем, что произойдет, если придется задержаться на острове дольше расчетного срока. Утром за завтраком возле кострища он заметил на небе редкие облачка, впервые появившиеся за последние пару месяцев. «Дурной знак, – подумал Николай. – Через два-три дня их станет гораздо больше, потом небо полностью затянет, и польют обильные тропические дожди. Не выживем мы на этом острове. Как пить дать, не выживем...»

– ... Мы с Витькой едва стояли на ногах. Я думал, он шутит насчет поездки, но ошибался. «Поехали, – говорит, – в Хельсинки есть Сенатская площадь, как две капли воды похожая на нашу Дворцовую». А мне и питерская площадь была по барабану, не говоря уж о финской.

– Неужели согласился? – прыснул смешком Равиль.

– Представьте, да. Не знаю, что на меня нашло, но согласился. Оделись, выпили крепкого кофе, кое-как выбрались на шоссе, где нас подобрал огромный рефрижератор, и поехали в сторону заката.

Прервав свои размышления, Николай поинтересовался:

– Водитель-то хоть был трезвый?

– Да, с ним был полный порядок. Увидев нас в таком непотребном виде, он долго ржал, потом угостил крепким чаем.

– И что же?

– Как ехали до границы, честно говоря, не помню. За пяток километров до таможни и погранцов остановились. Меня засунули в холодильник меж каких-то ящиков, предварительно завернув в имевшиеся у водилы тряпки и влив внутрь весь оставшийся у нас алкоголь.

– И тебя при проверке не заметили?!

– Понятия не имею – я вырубился и проспал мертвецким сном до пункта назначения. Потом Витька меня разбудил, и мы полдня болтались по Хельсинки с дикой головной болью. Помню каких-то людей, говорящих на странном языке, словно в горле у каждого застряло по огромной рыбьей кости. Помню Сенатскую площадь, которая совершенно не похожа на Дворцовую, и еще более мерзкую погоду, чем в Питере.

– Неужели и обратно трясся в холодильнике? – поинтересовался Карбанов, осуждающе качая головой.

– Ну а как же?! Если уж получать «удовольствие», то по полной! Три часа в жутком холоде и адском алкогольном угаре. Затем счастливая встреча с Родиной, сутки коньячной терапии, две недели с воспалением легких и проблема с гарнизонными врачами при прохождении очередной медкомиссии – вот полный перечень «позитива» от моего вторичного посещения Питера. А, нет, забыл еще одну «плюшку» – так сказать, премиальную.

– Какую?

– Три года я потом кричал во сне, когда мне снилась северная столица.

– Да, не самые лучшие у тебя воспоминания об этом замечательном городе, – посмеиваясь, встал с лежанки командир.

– Это далеко не все. При желании весь мой негатив можно опубликовать – получился бы увесистый трехтомник.

Выглянув в оконце, Николай навскидку определил по солнцу время и предложил:

– Ну что, парни, не пора ли нам размяться?

– За хворостом? – подскочил бортовой техник.

– Да. Пошли, прогуляемся. Заодно дослушаем рассказ Михаила...

Яковлев с Конопко вернулись со склада к кострищу как раз в тот момент, когда Власов закончил сеанс связи с Алексом и вернул гарнитуру Стрельцову. Вскоре подошел и Лисин, так как следить за вертолетчиками больше не требовалось – те вышли из блиндажа.

– Мы за хворостом, – обронил Карбанов.

– Давайте, – кивнул Власов. – И будем готовить ужин...

Севший рядом Георгий Лисин догадался о том, что после связи с боссом у командира появилась свежая информация.

– Чем обрадуешь, Серега? – тихо справился он.

Дождавшись, когда авиаторы исчезнут в зарослях, тот негромко объявил:

– Точка эвакуации определена – это заброшенная деревня Сапа в десяти километрах к северу. Кажется, на ее территории имеется подходящая площадку для посадки «вертушки».

Ранее в Сапе проживало около сотни человек, занимавшихся вырубкой и обработкой леса. Сейчас пусто, но, по сообщению Алекса, в ней регулярно появляются люди некоего Касала Кавы – одного из подчиненных начальника штаба повстанцев Мазу.

– А ближе к нашему лагерю «вертушка» присесть не может? – недовольно спросил Конопко. – Что-то не очень хочется топтать десять верст по непроходимым дебрям.

– Полагаю, ближе подходящей площадки нет. Судя по карте, вокруг нас сплошные джунгли. Но если ты, Витек, готов вырубить и расчистить полгектара леса, то я свяжусь с Алексом и предложу этот вариант.

– Да ладно, я просто спросил, – повел плечами подрывник. И уточнил: – А зачем в этой деревне «пасутся» люди Кивы?

– Мазу приказал любой ценой найти пилотов сбитого вертолета и отбить их у нас. Они знают район, где мы скрываемся, но об островке посреди болота не догадываются. Думаю, эта банда ежедневно прочесывает джунгли квадрат за квадратом.

– Алекс не сообщил, сколько их? – подал голос Лисин.

– Не более тридцати человек.

– А сколько остается в деревне, когда группы расходятся на поиски?

– Вот это нам и предстоит выяснить.

Товарищи вопросительно воззрились на командира.

– Предлагаешь провести разведку? – спросил Лисин.

– Да, парни, трое из вас завтра утром отправятся к деревне, – сказал тот.

– А не проще осторожно выдвинуться всей группе, включая авиаторов?

– Я думал об этом. Опасно, Жора. Игнат, конечно, глазастый, но и он иногда ошибается.

А тут на карту поставлено так много, что лучше не ошибаться.

– Согласен. Кому собираться?

Немного подумав, Власов сделал свой выбор:

– Старшим пойдет Конопко. Второй – Тубарь, третьим возьмете Яковлева.

Назначение в разведку медика Яковлева вызвало недоуменный взгляд Виктора Конопко, но капитан пояснил:

– Пусть проветрится. Налегке и без вертолетчиков задание не грозит стать сложным: осторожно подойдете к деревне и в течение светового дня произведете скрытное наблюдение. Меня, прежде всего, интересует, сколько в деревне людей, когда уходят на поиски группы и когда происходит полная смена личного состава. Ну, и заодно гляньте, где там находится пригодная для посадки вертолета площадка. Понятно?

– Да.

– Леша Стрельцов отдаст вам одну из мощных станций – вечером доложите результаты наблюдения, переночуете на безопасном удалении от Сапы и вернетесь в наш лагерь. Задача ясна?

– Да вроде все ясно, – ответил за всех старлей.

– Авиаторам – ни слова. Подготовку произвести незаметно, пока их нет. И так же тихим утром исчезнуть из лагеря. А после вашего возвращения проработаем план дальнейших действий.

– Понял...

На вторые сутки пребывания на острове вертолетчики нашли на его южной оконечности два погибших дерева и теперь ходили к ним собирать упавшие сухие ветви. Сушняка было много. За каждый поход приносили в лагерь три увесистые охапки дров, коих хватало на весь день. Вот и сейчас сразу направились в то заветное местечко.

– Так твои приключения в Питере на том не закончились? – чуть опережая товарищей, спросил Равиль.

– Какое там! – проворчал Гусенко. – После смерти бабки в этом городе остался мой дядька с двоюродным братом – школьником. Родственники – так себе, в основном появлялись на горизонте, когда что-нибудь было нужно. Как-то приехал я погостить к родителям в родное Подмосковье. Дядька каким-то образом узнал, что я в отпуске. Звонит: «Привет, давно не виделись. Чего не заезжаешь?...» Я догадывался, что звонил он не просто так, но почему-то поверил в искренность пожилого родственника.

– И что же произошло? – спросил шедший позади остальных командир.

– А ничего особенного и неожиданного. После короткого вступительного слова дядька перешел к делу – попросил привезти для сынка мой старенький компьютер. Типа мне-то он все равно без надобности, а моему двоюродному брательнику к экзаменам готовиться надо. Мне он действительно был не нужен – в гарнизоне у меня имелся новенький ноутбук. «Ладно, – отвечаю, – привезу. Не забудьте встретить...» И поперся покупать железнодорожный билет в ненавистный Питер... Сел в вагон, поехал в Северную столицу. Из багажа – пакет с пирожками и две здоровенные сумки с компом. Системник, старый монитор с электронно-лучевой трубкой, ну, и сопля – «клава», «мышь», провода. В общей сложности килограммов двадцать. Приехал. Выхожу из вагона – никого. Звоню дядьке: вы где? Дядька сонным голосом отвечает: «А, это ты... Комп уже не нужен – мы тут у соседа по дешевке приобрели...» Едва не послав его открытым текстом, отключаюсь, сдаю тяжелые пакеты в камеру хранения и иду на Лиговский в поисках дешевой столовки...

До заветной пары сухих деревьев оставалось метров тридцать, когда кусты впереди зашевелились.

Вертолетчики в растерянности остановились. Оружия им спецназовцы не давали, и как противостоять тем, кто находился в пяти метрах, никто не знал.

Но опасения оказались напрасны – меж раздвинувшихся ветвей показалась голова снайпера Тубаря.

– А, это вы, – протянул он. – За хворостом?

– Да, дело к ужину, – кивнул Равиль.

– Ну, идите собирайте. Только без шума.

– Само собой...

Подготовка к выходу у группы Конопко заняла не более пятнадцати минут. Точнее, не у всей группы, а у двоих – третий находился в дозоре. Связист Стрельцов передал Виктору радиостанцию со свежими аккумуляторами, разведчики укомплектовали ранцы сухими пайками и всем необходимым для перехода. Вещи и оружие с боеприпасами они аккуратно сложили у входа в блиндаж. Свою снайперскую винтовку Тубарь всегда содержал в чистоте и порядке, так что ему на подготовку времени и вовсе не требовалось.

В оставшиеся несколько минут Власов с Конопко просидели у кострища, елозя по карте пальцами и прорабатывая наилучший маршрут движения от лагеря до деревни.

– Думаю, к Сапе лучше подойти с юго-востока – со стороны вот этого овражка, – показывал командир на частые и кривые изгибы. – В низинах более густая растительность, и заметить вас будет сложнее.

Старлей задумчиво ответил:

– Знаешь, на удалении метров пятисот от деревни мы остановимся, а после короткого отдыха я пошлю вперед Игната. Пусть аккуратно пронюхает обстановку – он это умеет.

– Тоже правильно. В общем, действуй по обстановке – ты тоже не первый год в армии...

Подготовку закончили как раз вовремя. Едва Виктор сложил и убрал карту, как из-за ближайших кустов появились вертолетчики с большими охапками хвороста.

– А вот и наши подопечные, – встал с лавки Власов. И громко объявил: – Так, парни, все готовимся к ужину. Жора, после приема пищи заменишь в дозоре Игната.

– Понял...

Ужин прошел в привычном порядке. Авиаторы совместно с бойцами спецназа распалили несильный костерок, чтобы от него не валил дым, разогрели консервы, подогрели воду для чая и кофе, неторопливо съели и выпили отведенную норму. Затем посидели у догоравшего костра, покурили – несильный дымок хорошо распугивал насекомых, от которых в другое время не было спасения.

Ну а после Карбанов с товарищами отправился в блиндаж, ибо огонь потух и опять налетели полчища гнуса. Спецназовцы обычно допоздна сидели на лавках и болтали о своем. Так случилось и в этот вечер.

В блиндаже было темно. Вертолетчики не спали – просто лежали на жестких нарах и негромко болтали о жизни.

– ...Недалекие мамочки с детства внушают длинноногим дурочкам, что они умнее, талантливее и красивее всех, – рассуждал Равиль. – Потом девочки вырастают в девушек, вместе с сантиметрами и килограммами растет их комплекс «принцесс». Но принцев, как известно, мало и на всех не хватает.

– Что верно, то верно, – поддержал Гусенко. – Один мой старинный друг по имени Егор долго добивался своей одноклассницы Насти, работавшей адвокатом в крупной конторе. Девка была смазливой, длинноногой, умной. Все ухаживания Егора она напрочь отвергала, как позже выяснилось, из-за того, что у парня не было «вышки». В конце концов, тот пожелал ей до конца жизни по всем каналам смотреть «Дом-2» и с головой ушел в бизнес. Уже несколько лет женат на прекрасной женщине – кандидате биологических наук. В семье двое детей и полный достаток: завод по производству соков, свой ресторан в центре города; дважды в год отдыхают на лучших курортах мира.

– А что же эта... Настя?

– Настя стала неплохим адвокатом, но осталась без семьи и до сих пор живет одна. При случайных встречах с Егором мило улыбается и всячески намекает на возобновление контактов. Но поезд ушел – «принцесса» потеряла лоск и стройность, остервенела. К тому же и друг мой совершенно к ней остыл.

Помолчали. Карбанов привстал, нащупал лежащую под окном пачку сигарет, закурил.

– Миша, а чем же закончилась та история? – спросил он, наполнив «избушку» ароматным дымком.

– Какая? – не понял тот.

– Ну, про твою нелюбовь к Питеру.

– А на чем я остановился?

– Дядька тебя не встретил на вокзале. Ты ему, кажется, позвонил.

– Да, вспомнил. Ну, промышал я что-то неласковое в трубку, отключился. Нашел камеру хранения, куда сдал тяжелый комп, ибо сил его таскать уже не было, и отправился гулять по городу. Где-то на Невском, любуясь божественной красотой архитектуры, потерял бдительность, и у меня увели бумажник с приличной суммой.

– Что ж ты за раззява?! – воскликнул Равиль. – Как так можно?!

– Сам не понимаю, как это произошло. Пошарил по карманам, набрал какую-то мелочь. Вернувшись на вокзал, выкупил из камеры комп и до вечера таскался по ненавистному городу в попытках его продать.

– Продал? – осторожно поинтересовался майор.

– В одном адском интернет-кафе мне предложили за него пять граммов «кокса», – усмехнулся Михаил. – Я совершенно не в теме, как из подобной сделки извлечь денежную выгоду и не получить срок. Тогда на горизонте появляется странный чувак, согласившийся продать три грамма, а за работу оставить себе два. Я, естественно, согласился, ибо другого варианта вернуться домой тупо не было.

– Теперь я понимаю, почему ты так не любишь Питер, – рассмеялся Карбанов. – Столько приключений и переживаний за одну короткую поездку!

– Вот именно.

– Так как же ты выкрутился? – поторопил «бортач».

– Да как... Чувак с моим «коксом» исчез. Кстати, по виду довольно интеллигентный, приличный.

– Неужели обманул?!

– Нет, в тот раз судьба смилостивилась. Вернулся он через час и отдал мне сумму, которой тютелька в тютельку хватило на самый дешевый билет до Москвы. Я реально был счастлив и зарекся ездить в Питер, потому что это единственный город, который меня искренне ненавидит...

Проснувшись на рассвете, Власов разбудил Конопко, Тубаря и Яковлева. Лисин спал у выхода из блиндажа, Стрельцов дежурил.

– Пора, – шепнул он на ухо командиру разведчиков.

Все четверо осторожно покинули блиндаж. Костер распаливать не стали – умылись и перекусили на лавках галетами и консервами. Подогнав снаряжение и подхватив оружие, троица двинулась к северному берегу острова. Командир отправился их проводить.

На краю сухой почвы повстречали дозорного Стрельцова, который, сидя под кустом, покуривал зажатую в кулаке сигарету.

– Уже? – спросил он, поднявшись навстречу.

– К вечеру как раз успеем до места, – кивнул Тубарь, подбирая длинную палку, оставленную на берегу несколько дней назад.

– Поаккуратнее. И не забывайте выходить на связь, – пожал каждому руку Власов. – Удачи...

Первым в болото вошел снайпер, прощупывая палкой трясины, он медленно пошел в северо-западном направлении. Яковлев занял место в середине цепочки. Последним покинул остров Конопко.

Стоя на берегу, командир со связистом некоторое время наблюдали за удалявшимися товарищами. Затем Власов глянул на часы:

– Пойду придавлю еще часок, а после завтрака сменю тебя, – и, повернувшись, исчез в кустах.

Если бы идти пришлось тем же путем, которым группа прибыла с «материка» на остров, то двигались бы быстрее. Но, к сожалению, отделившись от лагеря метров на двести, разведчикам пришлось круто забрать влево – на северо-запад. Ранее Тубарь никогда здесь не бывал. Перед отправкой Власов показал секретную карту с обозначенными маршрутами движения по гатям, тем не менее снайпер осторожничал – не дай бог, в этих болотах промахнуться с направлением и зайти не туда.

Шли медленно. Временами попадали на довольно открытые участки с кучей или вовсе погибшей растительностью. В эти моменты спецназовцы чувствовали себя незащищенными. Вроде бы вокруг тихо, ни единого движения, ничего подозрительного, а все одно на душе паршиво.

Когда впереди показался долгожданный край леса, растущего на нормальной твердой почве, Тубарь оступился и по шею провалился в яму.

Шедший вторым Яковлев засуетился и шагнул в его сторону:

– Сейчас помогу...

– Не подходи! – барахтаясь в зеленой жиже, остановил его снайпер. – Там скользкий край! Не подходи...

Догнав товарищей, Виктор крикнул:

– Палку! Протяни палку!

Кое-как найдя устойчивое положение, Тубарь схватил плававший рядом шест, подтолкнул его по взбеленившейся поверхности.

В обыденной и спокойно текущей жизни Конопко казался флегматичным, медлительным, туго соображавшим. Однако в сложной обстановке он всегда преображался. Вот и сейчас, молниеносно приняв решение, подрывник отодвинул назад медика и приказал ему подстраховывать себя, удерживая за ранец. Сам же опустился на колени, нащупал край гати, навис над жижей и с трудом дотянулся до палки.

– Теперь, главное, не дергайся, – сказал он. – Ухватись крепко и держись...

Сообща Виктор с Семеном подтянули снайпера к бревенчатой гати, помогли взобраться на нее.

– Спасибо, мужики, – отплеывался Игнат. – Думал, что смерть моя пришла. Никогда не любил эти проклятые болота...

– Раздевайся, просушиться тебе надо, – тяжело дышал Яковлев.

– Что просушиться... Винтарь теперь надо почистить! А одежда и так просохнет...

– Дойдем до леса – там и почистишь. Уходить надо с открытого места. Пошли, парни...

На остаток пути до нормального леса Виктор поставил снайпера последним в цепочке. Сам же вооружился его шестом, встал первым и с чрезвычайной осторожностью прощупывал гать до тех пор, пока не вывел разведгруппу на твердый берег...

Четырехчасовой переход по тягучей, грязной и вонючей жиже отнял много сил, выбравшись из нее, спецназовцы попадали на траву.

– Если бы нам не предстояло переться по этой трясине обратно, я был бы просто счастлив, – успокоив дыхание, признался Яковлев.

– Надо бы по дороге в деревню найти ручей, – отозвался Конопко. – Иначе провоняем до костей.

Сняв камуфлированную куртку, снайпер согласился:

– Это верно. Я весь в этой проклятой жиже.

– Отдыхаем полчаса и двигаем дальше. Если повезет набрести на чистую воду – остановимся и приведем себя в порядок.

Полностью раздевшись, Тубарь расстелил шмотки на траве, вынул из ранца ветошь, масло и принялся чистить винтовку...

Ровно через двадцать минут он закончил сборку своей снайперки, придирчиво осмотрел ствол с затворным механизмом, удовлетворенно хмыкнул и стал надевать грязную, но просохшую на солнце одежду.

А вскоре вся троица топала по джунглям строго на север, дозором, как всегда, шел снайпер...

Весь оставшийся световой день разведчики потратили на трудный переход по джунглям. Местами они попадали в такие непроходимые заросли, что путешествие по болоту вспоминалось этакой легкой прогулкой.

В районе пятнадцати часов Тубарь остановился и повернул к товарищам радостную физиономию:

– Ручей!

– Вовремя, – смахнул с лица капли пота старлей. – Все, Игнат, подыскивай местечко – пора перекусить и отдышаться...

Отдыхали чуть более часа. За это время постирали в чистой воде одежду, все еще сохранявшую отвратительный запах болота, основательно поели, повалились на мягкой траве. Затем

покурили, оделись в чистое. Конопко поколдовал с навигатором и над картой, установив точное место, подкорректировал маршрут. И вскоре все трое двинулись дальше...

На место прибыли под вечер.

Примерно за километр командир устроил короткую остановку. Пока над джунглями еще светило клонившееся к горизонту солнце, он развернул карту и обсудил с Игнатом порядок подхода к населенному пункту.

– Видишь, деревеньку с юга охватывает дугой низина? – спросил он, постукивая пальцем по плотной бумаге.

– Вижу.

– Вот до нее-то нам и надо протопать. А уже по ней мы можем незаметно передвигаться вдоль Сапы в любую сторону.

– Это и дураку понятно.

– Тогда вперед. Ты – в дозоре, а мы с Семеном немного позади. Далеко не отрывайся и не забывай поглядывать на меня.

– Добро...

К деревне подобрались минут за тридцать до наступления сумерек. Осторожно взобравшись по склону овражка, проползли метров тридцать и замерли у крайних кустов. За ними виднелись останки убогих лачуг, некогда построенных из подручного материала: толстых ветвей, бамбука, пальмовых листьев, глины...

Осторожно раздвинув листву, Конопко быстро осмотрел видимую часть деревни.

Несколько полуразрушенных домишек, часть из которых давно лишилась соломенных крыш. Грунтовка, разрезавшая селение пополам и основательно заросшая высокой травой. Чуть дальше виднелся единственный добротный дом, построенный из врытых в землю вертикальных бревен. Рядом с ним торчала покосившаяся мачта или громоотвод.

– Никого, – прошептал лежавший по левую руку Тубарь.

– Да, пока никого не видно, – согласился Виктор. И добавил: – А где же тут площадка для «вертушки»?

– Не видно.

– Может, обойдем и посмотрим с другого ракурса? – послышался справа приглушенный голос Яковлева.

– Пошли.

Старший лейтенант медленно вернул ветви куста на место, развернулся и пополз обратно в овражек. Товарищи последовали за ним...

Первого туземца удалось заметить лишь ночью. Еще до наступления темноты разведчики успели осмотреть деревню Сапа со второй позиции, но опять ничего не увидели, кроме разрухи и запустения. Ни площадки, ни людей.

Пока перебирались по овражку дальше на восток, на джунгли опустилась ночь. Пришлось вынимать из ранцев ПНВ и ночные прицелы.

Осторожно взбираясь по склону, услышали вдруг мужской голос и остановились. А через пару секунд Тубарь тронул Конопку за плечо:

– Посмотри вверх.

Тот посмотрел вверх и заметил оранжевые всполохи, плясавшие по ветвям деревьев. На восточной окраине деревни кто-то распалил костер, от которого вскоре потянуло запахом дыма.

Выбравшись из оврага, троица заняла удобную для наблюдения позицию.

Костер полыхал метрах в сорока меж двух домишек. Рядом с огнем маячили три фигуры.

– Черт... – выругался старлей.

Из-за костра в окуляре прибора появлялись неприятные блики, не позволявшие рассмотреть многие детали.

– Сейчас доложу, – прищурился левый глаз, прильнул к прицелу своей винтовки снайпер. – Два мятежника с автоматами. И баба... что готовит на огне.

– Больше никого?

– Пока не вижу.

– Ладно, торопиться нам некуда. Лежим, наблюдаем...

Ночь прошла относительно спокойно. Дежурили на той же позиции, парами по два часа, третий в это время отдыхал. Нормально выспаться, разумеется, не получилось, зато ничего не пропустили: и позднее возвращение в лагерь трех небольших групп человек по пять-шесть каждая, и развеселый ужин у костра, и отбой. И даже то, как крутобокая баба, готовившая для повстанцев пищу, тихонько удалилась с двумя тощими мужиками в кусты неподалеку.

«Собака» – самая отвратительная вахта ранним утром – досталась Конопко и Яковлеву. Именно они услышали приглушенное тарахтение автомобильного двигателя и заметили сонно встрепенувшихся часовых у догоравшего костра. Один из них закинул автомат за спину и зашагал к заросшей дороге, второй потянулся, подошел к деревянной лачуге и постучал по двери. Из лачуги встречать подъезжавший грузовик вышла та самая женщина и еще один темнокожий мужчина...

Грузовик был старый, насквозь проржавевший, дребезжащий. Выпустив в атмосферу клуб черного дыма, он остановился против одного из немногих уцелевших домов. Из кабины вышел водитель, а из кузова посыпались на землю вооруженные «туземцы». Образовав вместе с дозорными живую цепочку, приступили к разгрузке автомобиля...

Минут десять-пятнадцать мужчины дружно перекидывали в дом коробки, упаковки, мешки... Принимала это добро ловкая и шумная женщина. А Конопко, не опуская бинокля, пытался прочесть маркировку и считал количество привезенного продовольствия.

Получалась довольно приличная цифра. И еще старший лейтенант сделал один неутешительный вывод: прибывшая вооруженная группа только заступила на дежурство и, судя по приличному запасу продуктов, планировала пробыть в деревне не менее недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.